

Европейский Суд по правам человека

Вторая секция

Дело «Кляхин против России»

(Жалоба № 46082/99)

Постановление

Страсбург, 30 ноября 2004 г.

Настоящее постановление становится окончательным согласно условиям пункта 2 статьи 44 Конвенции. В текст могут быть внесены редакционные поправки.

В деле “Кляхин против России” Европейский Суд по правам человека (Вторая секция), заседая палатой в составе:

Ж.-П. Косты (J.-P. Costa), Председателя,

А.Б. Баки (A.B. Baka),

И. Кабрал Барreto, (I. Cabral Barreto),

К. Юнгверта (K. Jungwiert),

В. Буткевича (V. Butkevich),

А. Ковлера, (A. Kovler)

А. Муларони, (A. Mularoni), судей,

при секретаре секции С. Долле (S. Dollé), 14 октября 2003 г. и 9 ноября 2004 г. провел совещание за закрытыми дверями и 9 ноября 2004 г. вынес следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело возбуждено по жалобе (№ 46082/99) на Российскую Федерацию, поданной в Европейскую Комиссию по правам человека (*далее* – Комиссия) 24 июля 1998 г. гражданином России г-ном Константином Владимировичем Кляхиным (*далее* – заявитель) в соответствии с ранее действовавшей статьей 25 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* - Конвенция).

2. Интересы заявителя представляли г-н Кирилл Коротеев, г-жа Дина Ведерникова и г-н Уильям Боуринг (William Bowring), юристы неправительственной организации по правам человека ЕНРАС/Memorial, имеющей представительства в Москве и Лондоне. Правительство России (*далее* – правительство) представлял г-н П.А. Лаптев, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, в частности, что его содержание под стражей в качестве меры пресечения было необоснованно продолжительным в нарушении пункта 3 статьи 5 и что он не мог добиться рассмотрения судом правомерности его содержания под стражей в период до судебного разбирательства в нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции. Он также утверждал, что разбирательство его уголовного дела не было осуществлено в разумный срок в нарушение положений пункта 1 статьи 6. Ссылаясь на статьи 8 и 13, заявитель утверждал, что тюремные власти контролировали его переписку с Европейским Судом и что в этом отношении ему не были предоставлены никакие внутренние средства правовой защиты. Он также заявил, что тюремные власти препятствовали его переписке с Европейским Судом вопреки положениям статьи 34 Конвенции.

4. Жалоба была передана в Суд 1 ноября 1998 г., когда вступил в силу Протокол № 11 к Конвенции (пункт 2 статьи 5 Протокола № 11).

5. Жалоба была передана в ведение Третьей секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). Для рассмотрения дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции) из состава секции в соответствии с пунктом 1 правила 26 была образована Палата

6. Решением от 14 октября 2003 г. Суд объявил жалобу частично приемлемой.

7. 1 ноября 2004 г. Суд изменил состав своих секций (пункт 1 правило 25). Дело было передано в ведение Второй секции нового состава (пункт 1 правила 52).

8. Заявитель и правительство представили свои письменные объяснения по существу дела (пункт 1 правила 59).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявитель, Константин Владимирович Кляхин, гражданин России, родился в 1966 г. и проживает в г. Армавире, Краснодарский край, Россия.

A. Обстоятельства дела

Представленные сторонами факты можно резюмировать следующим образом.

1. Заключение под стражу в качестве меры пресечения и уголовное производство в отношении заявителя

10. 13 августа 1997 г. заявитель был задержан и подвергся угрозам со стороны группы лиц, якобы потому, что они хотели добиться от него свидетельских показаний против его родственника К., сотрудника Армавирской городской прокуратуры.

11. 26 августа 1997 г. заявитель был арестован по подозрению в участии в грабеже вместе с К. и третьим лицом, У. Обвинения против заявителя были выдвинуты теми же людьми, которые, как было заявлено, ранее угрожали ему.

12. В период с 26 по 29 августа 1997 г. заявителя несколько раз допрашивал следователь прокуратуры, иногда в присутствии прокурора г. Армавира. Был назначен адвокат, но заявитель отказался от его услуг, поскольку не доверял ему.

13. 29 августа 1997 г. прокурор г. Армавира санкционировал заключение заявителя под стражей по подозрению в краже. 5 сентября 1997 г. заявителю было официально предъявлено обвинение в участии в грабеже.

14. 11 сентября 1997 г. заявитель обжаловал решение о заключении его под стражу. 6 октября 1997 г. Армавирский городской суд оставил жалобу без удовлетворения, никак это не мотивировав.

15. Следствие было завершено 24 января 1998 г. и заявителю была предоставлена возможность ознакомиться с материалами дела в период с 24 по 27 января 1998 г. На этой стадии присутствовал адвокат, от услуг которого заявитель позже отказался. Обвинительное заключение было направлено в Армавирский городской суд 27 или 28 января 1998 г.

16. 26 января 1998 г. дело было направлено в Армавирский городской суд. После этой даты все жалобы и ходатайства, с которыми заявитель обращался в другие органы власти, направлялись в этот суд в соответствии со статьей 217 Уголовно-процессуального кодекса (УПК).

17. 16 февраля 1998 г. Армавирский городской суд назначил первое слушание на 4 марта 1998 г. Судья вынес постановление о продлении срока содержания под стражей заявителя и двух других обвиняемых по этому же делу, К. и У., не мотивировав его.

18. 4 марта 1998 г. судья городского суда отложил слушание дела ввиду того, что заявителю не хватило времени для ознакомления с материалами дела. В период с 19 февраля по 27 марта 1998 г. заявителю были предоставлены дополнительные возможности для ознакомления с делом, и было официально вручено обвинительное

заклучение. Заявитель утверждает, что для ознакомления с 600 страницами документов, содержащихся в деле, ему предоставили только несколько коротких периодов времени в течение нескольких дней. Он также утверждает, что ему приходилось делать это в наручниках и поэтому он испытывал трудности во время копирования нужных ему документов.

19. Назначенное на 20 апреля 1998 г. судебное заседание не состоялось из-за отсутствия потерпевших и одного из представителей. 22 апреля 1998 г. судья вынес постановление о проведении психиатрической экспертизы в отношении У. и отложил слушание.

20. Очевидно, в дальнейшем слушания назначались еще несколько раз – на 31 августа 1998 г., 30 сентября 1998 г., 5 января 1999 г. и 20 января 1999 г. – но либо переносились, либо отменялись.

21. Европейская Конвенция по правам человека вступила в силу в отношении России 5 мая 1998 г.

22. 30 сентября 1998 г. Армавирский городской суд отклонил ходатайства заявителя и обвинявшегося по этому же делу К. об освобождении из-под стражи, и указал, что «на данном этапе производства по делу их освобождение могло бы повлиять на ход дальнейшего судебного разбирательства.» 11 ноября 1998 г. Краснодарский краевой суд оставил жалобу К. на это постановление без удовлетворения.

23. 21 января 1999 г. дело было отложено из-за болезни У. В том же постановлении был продлен срок содержания под стражей заявителя. 25 января 1999 г. заявитель обратился с жалобой к прокурору г. Армавира относительно продолжительности содержания его под стражей в качестве меры пресечения. 5 марта 1999 г. он был проинформирован, что его содержание под стражей является законным и что он может обжаловать решение в городской суд.

24. Слушание дела возобновилось 29 марта 1999 г., а 6 апреля 1999 г. Армавирский городской суд возвратил дело в прокуратуру для дополнительного расследования.

25. 8 и 16 апреля 1999 г. заявитель подавал жалобы председателю Армавирского городского суда относительно своего предварительного заключения. Никакого ответа на эти жалобы получено не было.

26. 27 апреля 1999 г. прокурор г. Армавира опротестовал постановление от 5 марта 1999 г., в силу которого дело было возвращено для дополнительного расследования. 16 июня 1999 г. Краснодарский краевой суд отменил это постановление и направил дело городскому суду на новое рассмотрение. Краевой суд также

определил продлить срок содержания под стражей заявителя и обвиняемых по тому же делу К. и У. без мотивировки.

27. 4 августа 1999 г. слушание дела возобновилось и 16 августа 1999 г. заявитель был признан виновным в грабеже и приговорен Армавирским городским судом к пяти годам лишения свободы. Его интересы представлял адвокат. Заявитель обжаловал приговор и 20 октября 1999 г. Краснодарский краевой суд оставил приговор городского суда без изменения. Заявитель не присутствовал на рассмотрении его жалобы и был проинформирован о его результате 12 ноября 1999 г. Обвинительный приговор от 16 августа 1999 г. после этого вступил в силу, и заявитель был отправлен в исправительное учреждение для отбывания наказания.

28. 2 декабря 1999 г. президиум Краснодарского краевого суда, рассмотрел дело в порядке надзора по протесту, поданному председателем Краснодарского краевого суда, и отменил обвинительный приговор от 16 августа 1999 г. (оставленный без изменения 20 октября 1999 г.) в связи с нарушением процессуальных норм и возвратил дело в суд первой инстанции.

29. Дело было возвращено в Армавирский городской суд 20 декабря 1999 г. 30 декабря 1999 г. заявитель был возвращен в Армавирский городской СИЗО 18/2. Для слушания дела 23 марта 2000 г. был назначен судья.

30. 17 апреля 2000 г. началось слушание, а 18 апреля Армавирский городской суд назначил медицинское освидетельствование заявителя в психиатрической больнице. Медицинское заключение потребовалось из-за «странного поведения заявителя, которое вызывало сомнения относительно его психического здоровья». Такое поведение проявлялось в «неадекватной реакции на вопросы [и] в постоянном предъявлении надуманных и необоснованных требований.» Копия данного постановления не представлялась заявителю в течение нескольких месяцев. Он подавал жалобы на данное решение и продление срока содержания под стражей в Армавирский городской суд 19, 24 и 25 апреля 2000 г., а также 12, 23 и 25 мая 2000 г., но ответов не получил. Он также обращался с жалобами к прокурору г. Армавира 25 апреля 2000 г. и в Краснодарскую краевую прокуратуру 21 апреля 2000 г. В ответах на обе эти жалобы сообщалось, что они были направлены в Армавирский городской суд. Правительство утверждало, что эти последние жалобы касались действий судьи суда первой инстанции и в них не ставились вопросы законности содержания под стражей.

31. Материалы дела были направлены в Краснодарскую психиатрическую больницу 3 мая 2000 г. В городской суд дело было

возвращено 28 июня 2000 г., при этом никакого медицинского заключения подготовлено не было. 20 июля 2000 г. судья городского суда отложил рассмотрение дела до составления другого медицинского заключения на основе амбулаторного обследования. Заявитель объявил в зале суда, что он начинает голодовку, которая, по всей видимости, продолжалась до 30 июля 2000 г. Он утверждал, что председательствующий судья якобы не был объективен и выступал с угрозами в адрес родственников заявителя.

32. Заявитель направил жалобы на постановление о проведении психиатрической экспертизы прокурорам г. Армавира и Краснодарского края, в Краевой суд, Краснодарскую квалификационную коллегия судей и другие административные органы. 9 и 24 августа 2000 г. Квалификационная коллегия переслала жалобы заявителя в Армавирский городской суд. 28 сентября 2000 г. Краевой суд проинформировал заявителя, что его жалоба была переправлена в городской суд, который должен направить материалы дела в Краевой суд для рассмотрения в кассационном порядке. Слушание не было проведено.

33. 29 сентября 2000 г. председатель Армавирского городского суда ответил заявителю и Краснодарской квалификационной коллегии, что при рассмотрении дела не было допущено никаких нарушений внутреннего права. Он отверг утверждения заявителя о том, что председательствующий судья угрожал его родственникам, назвав эти утверждения «надуманными и необоснованными». В заключение в письме говорилось, что никаких причин ставить под сомнение объективность и квалификацию председательствовавшего судьи нет.

34. 9 октября 2000 г. медицинская комиссия обследовала заявителя в следственном изоляторе и признала его психически здоровым.

35. В период с февраля по декабрь 2000 г. заявитель девять раз обращался с просьбами в Армавирский городской суд о предоставлении ему дополнительной возможности ознакомления с материалами дела. Она была ему предоставлена в период с 8 по 15 декабря 2000 г. и ему было разрешено делать рукописные копии соответствующих документов. Заявитель утверждает, что ему было выделено примерно полтора часа на ознакомление с 500 страницами материалов дела.

36. 18 декабря 2000 г. рассмотрение дела было отложено. 21 декабря 2000 г. заявитель обжаловал это в Краснодарский краевой суд, но его жалоба не была рассмотрена.

37. 23 января 2001 г. слушание дела возобновилось в Армавирском городском суде и 9 февраля 2001 г. заявитель был

признан виновным в попытке совершения грабежа и приговорен к четырем годам лишения свободы. Заявитель не обжаловал обвинительный приговор и он вступил в силу десять дней спустя. Заявитель был освобожден из-под стражи 9 февраля 2001 г., поскольку к этому времени он уже провел в заключении три года, пять месяцев и 13 дней и подпадал под амнистию. Двое других обвиняемых по тому же делу, К. и У., также были приговорены к лишению свободы, но им не пришлось отбывать наказание, так как на них также распространялась амнистия.

2. Переписка с Судом

38. Заявитель утверждал, что в июне 1998 г. администрация СИЗО 18/2, где он содержался под стражей, отказалась направить его жалобу в Суд. Заявитель переправил это письмо через своих родственников, которые отправили его по почте 24 июля 1998 г.

39. Пояснительная записка, приложенная к письму Секретаря Суда от 14 августа 1998 года, не была передана заявителю.

40. Заявитель также утверждает, что 25 марта 1999 г. он направил письмо с приложениями в Суд, и это письмо не дошло до адресата. 10 июня 1999 г. заявитель вновь отправил такое же письмо через свою мать.

41. Письмо от заявителя в Суд, датированное 8 июня 2000 года, поступило в почтовое отделение 20 октября 2000 г. Заявитель указал ряд приложений к этому письму, ни одно из которых адресатом получено не было. Заявитель снова отправил их 29 декабря 2000 г. через своих родственников.

42. Тюремная администрация не разрешала заявителю хранить корреспонденцию, полученную из Суда, ему давали ее только на один день и затем отбирали.

43. Правительство утверждало, что заявитель, находясь в тюрьме, отправил два письма, адресованные Европейскому Суду – 8 июня 2000 г. и 5 января 2001 г. Оба были своевременно отправлены по почте тюремной администрацией, и существуют доказательства их почтового отправления. Заявитель получил три ответных письма из Суда, датированные 8 сентября 1998 г., 9 августа 1999 г. и 11 января 2000 г., при этом все они были переданы ему сразу по получении в целости и сохранности. В доказательство правительство представило копию журнала учета корреспонденции, которую ведут тюремные власти, подтверждающую получение заявителем трех писем из Суда.

44. Согласно утверждению правительства, в декабре 2003 г. в национальное законодательство были внесены изменения, которые

отменили цензуру переписки заключенных СИЗО с Европейским Судом по правам человека.

45. По-видимому в декабре 2000 г. заявитель попытался предъявить иск почтовой службе за недоставку его письма от 8 июня 2000 г. в Европейский Суд. 16 января 2001 г. Армавирский городской суд отказался рассматривать по существу его иск о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда, предъявленный почтовой службе г. Армавира. 15 марта 2001 г. Краснодарский краевой суд отменил решение от 16 января 2001 г. и направил дело на новое рассмотрение в суд. Предположительно 11 мая 2001 г. Армавирский городской суд отказал в удовлетворении иска и заявитель не обжаловал это решение.

Б. Соответствующие нормы внутреннего права и практика

46. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК), действовавший во время производства по делу, предусматривал в статье 96, что заключение под стражу может быть применено в качестве меры пресечения за преступления, наказуемые лишением свободы на срок более одного года.

47. В статье 217 УПК предусматривалось, что после завершения следствия прокурор должен утвердить обвинительное заключение и направить дело в суд. После этого все жалобы и ходатайства должны направляться непосредственно в суд первой инстанции.

48. В соответствии со статьями 220-1 и 220-2 УПК жалобы на продление срока содержания под стражей приносятся в суд.

49. Статьи 223-1 и 230 УПК предусматривали, что судья должен назначить дату первого слушания в течение 15 дней после получения материалов дела от прокурора, если обвиняемый содержится под стражей. Одновременно с этим судья должен принять решение, следует ли оставлять обвиняемого под стражей.

50. Статья 331 УПК исключала протесты в отношении некоторых определений и постановлений суда первой инстанции, например, относительно назначения судебных заседаний, возвращения дела для производства дополнительного расследования, проведения психиатрической экспертизы в стационарных условиях. 2 июля 1998 г. Конституционный суд признал эту норму неконституционной, поскольку она не позволяла лицам, находящимся в предварительном заключении, обжаловать постановления суда о продлении срока содержания под стражей.

51. Статьи 17 и 21 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривают, что лица,

содержащиеся под стражей до суда, обладают неограниченным правом на подачу жалоб и направление писем в органы государственной власти и общественные объединения. Жалобы, адресованные прокурору, в суды или иные органы государственной власти, которые имеют право контроля за соблюдением законности содержания, не подлежат цензуре и должны направляться адресату в запечатанном пакете. Остальные письма и жалобы подвергаются цензуре администрацией и должны отправляться не позднее трех дней с момента их подачи. Жалобы в отношении любого решения администрации СИЗО могут направляться в установленном порядке в вышестоящие органы, прокурору или в суд. Подобные положения содержатся и в разделе 9 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов 1995 и 2000 гг. (*Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, утв. Приказом МВД РФ от 20 декабря 1995 г. № 486; Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, утв. Приказом Минюста РФ от 12 мая 2000 г. № 148, с изменениями от 21 февраля 2002 г.*).

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

52. Заявитель указал в жалобе, что было нарушено его право на судебное разбирательство в течение разумного срока или освобождение из-под стражи до суда. Он сослался на пункт 3 статьи 5 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи ... имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

А. Аргументы сторон

53. Правительство заявило, что срок содержания заявителя под стражей в качестве меры пресечения был разумным и соответствовал национальному законодательству. Правительство

также отметило, что период пребывания заявителя под стражей до 5 мая 1998 г. не входит в компетенцию Суда *ratione temporis*¹.

54. Что касается оснований для содержания заявителя под стражей, правительство указало на положения действовавшего в то время внутреннего законодательства, в соответствии с которым заключение под стражу в качестве меры пресечения могло быть применено исключительно по основанию тяжести обвинения. Оно также указало на тот факт, что заявитель был ранее судим.

55. Заявитель утверждал, что не было никакой необходимости арестовывать его и содержать под стражей в течение длительного периода времени, поскольку не было никаких оснований считать, что он попытается воспрепятствовать установлению истины или что содержание под стражей было необходимо, чтобы предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения. Власти практически не представили необходимых или достаточных обоснований для оправдания его содержания под стражей. Что касается действий властей, то заявитель утверждал, что с их стороны не было проявлено особого усердия в производстве по его делу.

56. Заявитель также указал на то, что хотя период до 5 мая 1998 г. не входит в компетенцию Суда *ratione temporis*, он просит Суд учесть тот факт, что к этой дате он уже находился под стражей свыше восьми месяцев.

Б. Мнение Суда

1. Период времени, принимаемый во внимание при рассмотрении дела

57. Суд прежде всего напоминает, что при установлении продолжительности содержания под стражей до суда в контексте пункта 3 статьи 5 Конвенции отсчет периода времени, который надлежит принимать во внимание, начинается в тот день, когда обвиняемый был заключен под стражу, и заканчивается в тот день, когда разрешается вопрос о виновности обвиняемого, даже если это решение принимается судом первой инстанции (см. среди прочих других дело *Wemhoff v. Germany*, постановление от 27 июня 1968 г., Серия А № 7, стр. 23, § 9 и дело *Labita v. Italy* [GC], № 26772/95, §§ 145 и 147, ECHR 2000-IV).

58. Суд напоминает, что хотя в его компетенцию *ratione temporis* подпадает только период после вступления в силу Конвенции в

¹ Лат. «по причине времени» - прим. перев.

отношении России 5 мая 1998 г, Суд примет во внимание состояние производства по делу на эту дату (см. среди прочих других, *mutatis mutandis*, дело *Yağci and Sargin v. Turkey*, постановление от 8 июня 1995 г., Серия А № 319-А, стр. 16, § 40).

59. В настоящем деле содержание заявителя под стражей до суда началось 26 августа 1997 г., когда он был арестован. К 5 мая 1998 г., моменту, когда Конвенция вступила в силу в отношении России, заявитель уже находился под стражей восемь месяцев и десять дней. Затем 16 августа 1999 г., то есть спустя 15 месяцев, он был осужден судом первой инстанции. С этого момента до вынесения 2 декабря 1999 г. постановления надзорной судебной инстанцией содержание заявителя под стражей было оправданным согласно пункту 1 (а) статьи 5 Конвенции, а пункт 3 статьи 5 был неприменимым. 2 декабря 1999 г. президиум Краснодарского краевого суда вернул дело в суд первой инстанции, вследствие чего пункты 1(с) и 3 Статьи 5 Конвенции вновь стали применимыми. Они перестали быть применимыми 9 февраля 2001 г., 14 месяцев спустя, когда заявитель был осужден Армавирским городским судом и освобожден из-под стражи. Таким образом, в общей сложности заявитель содержался под стражей в качестве меры пресечения в течение трех лет и двух месяцев, из которых два года, пять месяцев и десять дней являются периодом после вступления Конвенции в силу в отношении России.

2. Разумность срока содержания под стражей

60. Суд напоминает, что оценка разумности срока содержания под стражей до суда не может быть дана *in abstracto*². Оценка должна быть проведена в каждом случае с учетом конкретных особенностей, доводов, представленных в решениях национальных судов, и подкрепленных документами фактов, упомянутых заявителем в его ходатайствах об освобождении из-под стражи. Продление срока содержания под стражей может быть оправдано только при условии, что имеются конкретные признаки подлинной необходимости обеспечения интересов общества, которые, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивают принцип уважения свободы отдельной личности (см., среди других, дело *W. v. Switzerland*, постановление от 26 января 1993 г., Серия А № 254-А, стр. 15, § 30; упомянутое выше дело *Labita v. Italy* [GC] § 152).

61. Наличие обоснованного подозрения, что задержанное лицо совершило преступление, является условием *sine qua non*³ законности продления содержания под стражей, но по истечении

² Лат. «абстрактно, отвлеченно, в общем плане» - прим. перев.

³ Лат. «необходимое условие» - прим. перев.

определенного времени такого подозрения уже недостаточно. В таких случаях Суд должен установить, продолжали ли другие основания, представленные судебными властями, оправдывать лишение свободы. В случаях, если такие основания были «существенными» и «достаточными», Суд должен также убедиться, что компетентные национальные органы проявили «особенное усердие» в производстве по делу (см., среди прочих, дело *I. A. v. France*, постановление от 23 сентября 1998 г., *Сборник постановлений и решений* 1998-VII, р. 2979, § 102; упомянутое выше дело *Labita v. Italy* [GC] § 153).

62. В своих объяснениях по существу дела правительство сослалось на положения внутреннего законодательства, а именно, статью 96 УПК, которая допускала заключение под стражу в качестве меры пресечения в случаях, когда обвинение может повлечь за собой наказание лишением свободы на срок более года.

63. 30 сентября 1998 г. Армавирский городской суд заявил в своем решении о продлении срока содержания заявителя под стражей о том, что «на данном этапе производства по делу [его] освобождение могло бы повлиять на ход дальнейшего судебного разбирательства». К тому времени предварительное следствие по делу уже было завершено, и дело ожидало своего рассмотрения в суде. В других решениях, санкционировавших дальнейшее содержание заявителя под стражей, не содержалось никаких мотивировок, а просто подтверждалось, что оно было законным.

64. Из изложенного следует, что соответствующие власти обосновывали содержание заявителя под стражей двумя обстоятельствами: во-первых, тяжестью обвинений и, во-вторых, опасением, что он может помешать судебному разбирательству.

65. Что касается первого пункта, Суд еще раз напоминает, что хотя суровость ожидаемого приговора является существенным элементом, тяжесть обвинений сама по себе не может оправдать продолжительное содержание под стражей до суда. Что касается второго основания, национальные суды не ссылались ни на какие фактические обстоятельства, чтобы подтвердить вывод о возможном вмешательстве заявителя в производство по делу, особенно на стадии судебного разбирательства.

66. Соответственно, Суд приходит к выводу, что власти, не рассматривая относящиеся к делу факты и руководствуясь законодательной нормой относительно тяжести обвинений, продлевали срок содержания заявителя под стражей по основаниям, которые не могут считаться достаточными.

67. Таким образом, Суд считает, что власти не обосновали продление срока содержания заявителя под стражей на

рассматриваемый период времени. В данных обстоятельствах нет необходимости исследовать вопрос о том, осуществлялось ли производство с должным усердием.

68. Соответственно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, поскольку не было соблюдено право заявителя на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

69. Заявитель жаловался, что он не мог добиться рассмотрения судом правомерности его заключения под стражу в соответствии с пунктом 4 статьи 5. Данное положение Конвенции предусматривает:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.»

А. Аргументы сторон

70. Правительство утверждало, что внутреннее право, а именно статья 220-1 Уголовно-процессуального кодекса 1960 г., предоставляло заявителю право добиваться рассмотрения судом правомерности его заключения под стражу. Заявитель воспользовался этим правом, обратившись в Армавирский городской суд, который рассмотрел вопрос о его заключении под стражу и признал его правомерным. Его последующие жалобы относительно законности его содержания под стражей также были рассмотрены судом.

71. Заявитель отметил, что его жалобы относительно законности его заключения под стражу были рассмотрены Армавирским городским судом только 6 октября 1997 г. и затем 30 сентября 1998 г. Его многочисленные остальные жалобы, направленные властям, включая жалобы в городской и краевой суды, не были рассмотрены должным образом. Суды не мотивировали продление срока содержания под стражей, и заявителю не были обеспечены процессуальные гарантии, необходимые для надлежащего применения принципов пункта 4 статьи 5.

Б. Мнение Суда

72. Суд напоминает, что в силу пункта 4 статьи 5, арестованное или задержанное лицо имеет право на проверку в суде, были ли

соблюдены процессуальные и материально-правовые нормы, имеющие важное значение для обеспечения «законности», требуемой пунктом 1 статьи 5, при лишении его (её) свободы (см. дело *Brogan and Others v. the United Kingdom*, постановление от 29 ноября 1988 г., Серия А № 154-В, стр. 34, § 65). Хотя не всегда необходимо, чтобы процедура, предусмотренная пунктом 4 статьи 5, сопровождалась такими же гарантиями, которые предусмотрены для рассмотрения в суде гражданских и уголовных дел пунктом 1 статьи 6 (см. дело *De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*, постановление от 18 июня 1971 г., стр. 42 § 78 *in fine*⁴; дело *Megyeri v. Germany*, постановление от 12 мая 1992 г., Серия А № 237-А, стр. 11, § 22; дело *Niedbala v. Poland*, № 27915/95, § 66, 4 июля 2000 г.), она должна носить судебный характер и предоставлять гарантии, соответствующие тому виду лишения свободы, о котором идет речь. Важно, чтобы заинтересованное лицо имело доступ к суду и возможность быть выслушанным либо лично, либо, если необходимо, через какого-то представителя, в противном случае ему не будут обеспечены «основополагающие процессуальные гарантии, применяемые в вопросах лишения свободы» (см. дело *De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*, постановление, стр. 41, § 76; дело *Winterwerp v. the Netherlands*, постановление от 24 октября 1979 г., Серия А № 33, стр. 24, § 60; и дело *Sanchez-Reisse v. Switzerland*, постановление от 21 октября 1986 г., Серия А № 107, стр. 20, § 51).

73. В настоящем деле в рассматриваемый период времени заключение под стражу до суда производилось по постановлению прокурора. Оно могло быть обжаловано в суд.

74. Заявитель подал ряд жалоб в суд первой инстанции и суды более высоких инстанций относительно своего затянувшегося срока содержания под стражей в качестве меры пресечения. Однако, судебный контроль, который действительно имел место, не рассмотрел конкретные доводы, выдвинутые заявителем в связи с его заключением под стражу. На остальные его жалобы ответы просто не были получены.

75. Суд вновь обращает внимание на то, что арестованные или задержанные лица имеют право на судебный контроль соблюдения процессуальных и материально-правовых требований, необходимых для обеспечения «законности» в соответствии с Конвенцией, при лишении их свободы. Это означает, что компетентный суд должен оценить не только соответствие процессуальным нормам, предусмотренным внутренним законодательством, но также и обоснованность подозрений, по которым произведен арест, а также и

⁴ Лат. «в конце» - прим. перев.

законность цели, преследуемой арестом и последующим заключением под стражу (см. упомянутое выше дело *Brogan and Others v. the United Kingdom*, § 65, а также дело *Grauslys v. Lithuania*, № 36743/97, §§ 51-55, 10 октября 2000 г.).

76. Хотя пункт 4 статьи 5 Конвенции не налагает обязательство рассматривать каждый довод, содержащийся в объяснениях задержанного лица, судья, рассматривающий жалобы на заключение под стражу в качестве меры пресечения, должен учитывать конкретные факты, на которые ссылается задержанный и которые способны поставить под сомнение соблюдение требований, необходимых для обеспечения «законности» в соответствии с Конвенцией, при лишении свободы (см. дело *Nikolova v. Bulgaria* [GC], № 31195/96, § 61, ECHR 1999-II).

77. В объяснениях заявителя такие факты содержались, и они не представляются неправдоподобными или несерьезными. Не приняв их во внимание, национальные суды не смогли обеспечить судебный контроль в том объеме и такого характера, как этого требует пункт 4 статьи 5. Суд напоминает в этой связи о своих соответствующих выводах относительно отсутствия достаточных оснований для содержания под стражей, сделанных выше (пункты 66-68) при рассмотрении вопроса об обоснованности содержания под стражей.

78. Кроме того, другие жалобы заявителя, непосредственно относящиеся к вопросу о его продолжительном сроке содержания под стражей до суда, остались без ответа (пункты 25 и 30 выше).

79. Таким образом, имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

80. Заявитель жаловался, что уголовные обвинения не разбирались в разумный срок, как этого требует пункт 1 статьи 6 Конвенции.

81. В части, относящейся к данному делу, первое предложение пункта 1 статьи 6 гласит:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок ...»

А. Аргументация сторон

82. Правительство утверждало, что период времени, который нужно принимать во внимание при рассмотрении дела, продолжался

с момента передачи дела заявителя в Армавирский городской суд 2 февраля 1998 г. до объявления его приговора 9 февраля 2001 года. Правительство не согласно с тем, что этот срок не является разумным. Оно заявило, что в течение этого периода дело три раза пересматривалось в трех судебных инстанциях, включая в двух случаях городской суд. Оно также утверждало, что заявитель сам способствовал затягиванию разбирательства, подавая многочисленные заявления, включая ходатайства об ознакомлении с материалами дела, в результате чего заседания откладывались.

83. Правительство указало на болезнь одного из обвиняемых, проходивших по тому же делу, что вызвало задержку судопроизводства. После вынесения 2 декабря 1999 г. постановления Президиумом Краснодарского краевого суда об отмене обвинительного приговора заявителю и возвращении дела в суд первой инстанции еще одна задержка разбирательства дела была вызвана тем фактом, что заявителя и других обвиняемые по тому же делу необходимо было доставить в Армавир из исправительных учреждений в других регионах.

84. Заявитель утверждал, что период времени, который следует принимать во внимание, начался 16 февраля 1998 г., когда городской суд принял дело к производству и назначил дату судебного заседания, и закончился 9 февраля 2001 г.

85. Относительно своих действий заявитель пояснил, что его жалобы и ходатайства были оправданы необходимостью ознакомиться с материалами дела и защитить себя. Он указал, что его ходатайства об ознакомлении с материалами дела были удовлетворены городским судом в двух случаях, причем после значительных проволочек. Это само по себе указывает на то, что его право на полное ознакомление с материалами дела до начала слушания было нарушено.

86. Что касается действий властей, то заявитель указал, что его доступ к материалам дела был строго регламентирован властями и что он был не в силах закончить их изучение в более короткий срок. Он также утверждал, что другие причины, такие как неявка в суд других лиц, проходивших по делу, не могли быть отнесены на его счет.

Б. Мнение Суда

1. Период времени, принимаемый во внимание при рассмотрении дела

87. Суд напоминает, что период времени, учитываемый при определении продолжительности производства по уголовному делу, начинается в тот день, когда данному лицу «предъявляется обвинение» в самостоятельном и существенном значении этого термина (см., среди других, дело *Corigliano v. Italy*, постановление от 10 декабря 1982 г., Серия А № 57, стр. 13, § 34 и дело *Imbriosca v. Switzerland*, постановление от 24 ноября 1993 г., Серия А № 275, стр. 13, § 36). Он заканчивается в тот день, когда окончательно разрешается вопрос о виновности или производство по делу прекращается.

88. Суд также отмечает, что хотя его юрисдикция *ratione temporis* охватывает только период после вступления в силу Конвенции в отношении России 5 мая 1998 г., Суд принимает во внимание состояние производства по делу на тот день (см., среди других, *mutatis mutandis* упомянутое выше дело *Yağci and Sargin v. Turkey*, § 40).

89. В настоящем деле принимаемый во внимание период начался 26 августа 1997 г., когда заявитель был задержан в качестве подозреваемого по обвинению в грабеже. Затем 16 августа 1999 г. Армавирский городской суд признал заявителя виновным, и 20 октября 1999 г. Краснодарский краевой суд оставил приговор без изменения. Таким образом, обычная процедура разрешения вопроса о виновности заявителя, по смыслу статьи 6 Конвенции, была завершена, и ее продолжительность составила два года и два месяца, из которых восемь месяцев и десять дней приходились на период, предшествовавший вступлению Конвенции в силу в отношении России.

90. Однако, 2 декабря 1999 г. Президиум Краснодарского краевого суда, рассмотрев дело в порядке надзора, отменил приговор в отношении заявителя и вернул дело на новое рассмотрение. Такое решение тем самым привело к возобновлению процесса разрешения вопроса о виновности заявителя и статья 6 вновь стала применимой (см. дело *Yemanakova v. Russia*, № 60408/00, § 41, 2 сентября 2004 г.). Этот принимаемый во внимание период закончился 9 февраля 2001 г., когда Армавирский городской суд вынес приговор, установив вину заявителя. Этот период длился примерно один год и два месяца.

91. Суд отмечает, что принимаемый во внимание период, т.е. с 29 августа 1997 г. по 9 февраля 2001 г., исключая время между 20 октября и 2 декабря 1999 г., когда производство по делу не велось, продолжался в течение примерно трех лет и четырех месяцев, из которых два года и семь с половиной месяцев подпадают под юрисдикцию Суда с учетом условия *ratione temporis*.

2. Разумность срока разбирательства

92. Суд напоминает, что разумность срока разбирательства надлежит оценивать в свете конкретных обстоятельств дела и с учетом критериев, выработанных судебной практикой, в частности таких, как сложность дела, действия заявителя и действия компетентных властей (см. упомянутое выше дело *Yağci and Sargin v. Turkey*, § 59).

93. Суд отмечает, что данное уголовное дело не представляется особенно сложным. Оно касалось одного эпизода попытки совершения грабежа, и по нему проходило небольшое число потерпевших и свидетелей. Что касается действий заявителя, не похоже, что они в какой-либо значительной мере способствовали увеличению общей продолжительности производства по делу. Хотя заявитель подавал ряд ходатайств и жалоб, большинство из них не повлекли за собой процессуальных задержек. Его просьбы об ознакомлении с материалами дела были дважды удовлетворены судом первой инстанции, хотя и после значительных проволочек, которые нельзя отнести на счет заявителя.

94. Что касается действий властей, по всей видимости, были определенные потери времени, которые можно приписать им. В частности, в период с 22 апреля 1998 г. по 29 марта 1999 г. не проводилось никаких слушаний, за исключением тех, на которых принимались решения о переносе заседаний. После постановления Президиума Краснодарского краевого суда от 2 декабря 1999 г. об отмене ранее принятых обвинительных приговоров и возвращении дела на новое рассмотрение, первое слушание в суде первой инстанции состоялось только 17 апреля 2000 г. Тем временем заявитель продолжал находиться под стражей, что должно было бы побудить власти действовать с особым усердием.

95. Учитывая критерии, установленные судебной практикой для оценки разумности срока разбирательства дела, вышеизложенные выводы относительно обоснованности содержания под стражей до суда в свете требований пункта 3 статьи 5 и конкретные обстоятельства дела, Суд считает, что продолжительность производства по уголовному делу в отношении заявителя не удовлетворяла требованию о разумном сроке, изложенному в пункте 1 статьи 6 Конвенции.

96. Следовательно, имело место нарушение этого положения.

IV. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 В СОЧЕТАНИИ С ПУНКТОМ 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

97. Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 13, что у него не было эффективных средств правовой защиты в отношении чрезмерной продолжительности производства по уголовному делу. Статья 13 Конвенции, в соответствующей части, гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе ...»

98. Что касается относящихся к данному делу средств правовой защиты, то правительство утверждало, что заявитель мог обжаловать определенные постановления процессуального характера, вынесенные судом первой инстанции, в суд более высокой инстанции.

99. Заявитель утверждал, что у него не было эффективных средств правовой защиты от чрезмерно продолжительного разбирательства дела, поскольку все его жалобы переправлялись без рассмотрения в тот же самый суд первой инстанции, который и был ответственен за проволочки. Жалобы заявителя относительно постановлений процессуального характера, вынесенных судом первой инстанции, не были рассмотрены.

100. Как заявлял Суд во многих постановлениях, статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения предусмотренных Конвенцией прав и свобод, независимо от того, в какой форме они закреплены во внутреннем законодательстве. Таким образом, статья 13 содержит требование предоставить национальное средство правовой защиты, позволяющее рассматривать по существу «не лишённую оснований жалобу» на нарушение Конвенции и принимать соответствующие решения о защите нарушенных прав. Объем обязательств Высоких Договаривающихся Сторон по статье 13 меняется в зависимости от характера жалобы заявителя; однако, средство правовой защиты, требуемое по статье 13, должно быть «эффективным» на практике, а также в правовом отношении (см., среди других, дело *Kudła v. Poland* [GC], № 30210/96, § 157, ECHR 2000-XI).

101. Суд отмечает, что правительство не доказало, что заявитель мог получить средство правовой защиты – либо предупредительное, либо в виде выплаты компенсации – обратившись в суд более высокой инстанции. Из материалов настоящего дела следует, что Краевой суд не рассмотрел жалобы заявителя на постановления суда первой инстанции отложить рассмотрение от 20 июля 2000 г. и 18 декабря 2000 г. (пункты 31 и 36 выше). Остальные его жалобы были

переправлены в тот же самый суд первой инстанции в соответствии со статьей 217 УПК.

102. Суд, таким образом, отмечает, что правительство не указало на какое-либо средство правовой защиты, которое могло бы ускорить разрешение дела заявителя или предоставить ему адекватное возмещение за задержки, которые уже имели место.

103. Соответственно, имело место нарушение статьи 13 Конвенции, поскольку заявитель не имел внутреннего средства правовой защиты, с помощью которого он мог бы обеспечить осуществление своего права на разбирательство дела в разумный срок, гарантированного пунктом 1 Статьи 6 Конвенции.

V. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 8, 13 И 14 КОНВЕНЦИИ

104. Заявитель жаловался, что тюремные власти вмешивались в его переписку с Европейским Судом по правам человека. Он ссылаясь на статьи 8, 13 (протитированную выше в пункте 97) и 34 Конвенции. Статьи 8 и 34, в частях, относящихся к делу, предусматривают:

Статья 8

«1. Каждый имеет право на уважение ... его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе ... в целях предотвращения беспорядков и преступлений, ... или защиты прав и свобод других лиц.»

Статья 34

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица ... которое утверждает, что явилось жертвой нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон его прав, признанных в настоящей Конвенции и в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права.»

A. Контроль за корреспонденцией заявителя со стороны тюремных властей

105. Заявитель утверждал, что его корреспонденция с Судом вскрывалась тюремной администрацией.

106. Правительство не оспаривало того факта, что письма, направленные заявителем и полученные из Европейского Суда по

правам человека, вскрывались тюремной администрацией. Однако, оно заявило, что в декабре 2003 г. в соответствующее законодательство были внесены изменения, запрещающие цензуру переписки с Европейским Судом по правам человека в СИЗО и исправительных учреждениях.

107. Суд напоминает, что любое «вмешательство со стороны публичных властей» в право на уважение корреспонденции противоречит статье 8 Конвенции, за исключением тех случаев, когда оно «предусмотрено законом», преследует одну или более законных целей, упомянутых в пункте 2 этой статьи и «необходимо в демократическом обществе» для их достижения (см., среди многих других, постановления по следующим делам: *Silver and Others v. the United Kingdom*, 25 марта 1983 г., Серия А № 61, стр. 32, § 84; *Campbell v. the United Kingdom*, 25 марта 1992 г., Серия А № 233, стр. 16, § 34 и *Niedbala v. Poland*, № 27915/95, § 78, 4 июля 2000 г.).

108. Тот факт, что переписка заявителя с Судом регулярно вскрывалась и подвергалась цензуре, не оспаривается. Таким образом, имело место вмешательство в осуществление права заявителя на уважение его корреспонденции, предусмотренное статьей 8.

109. Российское законодательство, действовавшее в то время, позволяло осуществлять цензуру корреспонденции заключенного, за исключением переписки с некоторыми органами надзора (см. выше пункт 51). Европейский Суд по правам человека не входил в число последних. Таким образом, вмешательство в настоящее дело осуществлялось на законных основаниях и Суд согласен, что оно преследовало законную цель «предотвращения беспорядков или преступлений». Однако, что касается необходимости вмешательства, правительство не указало на основания, которые могли бы оправдать такой контроль за перепиской с Судом, конфиденциальность которой должна уважаться (см. дело *Peers v. Greece*, № 28524/95, §§ 82-84, ЕCHR 2001-III). Соответственно, обжалованное вмешательство не являлось необходимым в демократическом обществе, как этого требует пункт 2 статьи 8.

110. Следовательно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

Б. Заявленное нарушение статьи 13 в сочетании со статьей 8 Конвенции

111. Ссылаясь на статью 13, заявитель жаловался, что у него не было эффективного средства правовой защиты от контроля за его перепиской с Судом.

112. Правительство не комментировало этот вопрос в своих объяснениях.

113. Суд пришел к выводу, что в настоящем деле права заявителя, предусмотренные статьей 8 Конвенции, были нарушены. Поэтому у него была не лишенная оснований жалоба согласно критериям, выработанным практикой Суда (сравни с пунктом 100 выше).

114. Однако, Суд напоминает, что сфера действия статьи 13 не столь широко, чтобы гарантировать средство правовой защиты, которое позволяло бы оспаривать законодательные акт Высокой Договаривающейся Стороны в государственном органе на том основании, что он противоречит Конвенции (см. дело *James and others v. the United Kingdom*, постановление от 21 февраля 1986 года, Серия А № 98, § 85; дело *A. v. the United Kingdom*, № 35373/97, §§ 112-113, ECHR 2002-X). Жалобы заявителя относились по своей сути к положениям Закона № 103-ФЗ от 15 июля 1995г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», который действовал в рассматриваемое время.

115. Таким образом, Суд пришел к выводу, что в настоящем деле факты не указывают на нарушение статьи 13 Конвенции.

В. Вмешательство в осуществление права на подачу индивидуальной жалобы

116. Заявитель утверждал, что, начиная с 1998 г., он написал в Европейский Суд по правам человека несколько писем. Однако тюремная администрация отказалась отправлять эти письма, и он был вынужден отправлять их через своих родственников. Он утверждал, что его письмо от 8 июня 2000 г. было отправлено по почте только в октябре 2000 г. и при этом без приложений. Заявитель в своей жалобе также утверждал, что власти задерживали передачу ему писем от Суда и передавали их без приложений.

117. В своих объяснениях по существу дела правительство не согласилось с тем, что имело место какое-либо вмешательство в право заявителя на подачу индивидуальной жалобы. Оно утверждало, что заявитель направил только две жалобы в Европейский Суд через тюремные власти - 8 июня 2000 г. и 5 января 2001 г., и что их своевременно переслали в Суд. Остальные его письма в Суд были отправлены через родственников по его собственному желанию. Три ответа, полученные из Суда, были переданы заявителю без каких-либо задержек и в полном объеме.

118. Суд, во-первых, вновь обращает внимание на необходимость уважать конфиденциальность его корреспонденции, поскольку она

может касаться заявлений, направленных против тюремных властей или сотрудников тюрьмы. Вскрытие писем, полученных из Суда или адресованных ему, несомненно, может привести к тому, что они будут прочитаны и, возможно, при определенных обстоятельствах, приведут также к риску репрессивных мер со стороны персонала тюрьмы в отношении соответствующего заключенного (сравни с вышеприведенными пунктами 109-110).

119. Суд напоминает, что для эффективного функционирования системы обращения с индивидуальными жалобами, установленной статьей 34, чрезвычайно важно, чтобы заявители могли свободно поддерживать связь с Судом, не подвергаясь давлению в какой бы то ни было форме со стороны властей, направленному на то, чтобы они отказались от своих жалоб или изменили их содержание. В этом контексте «давление» включает не только прямое принуждение и открытое запугивание, но также и другие неприемлемые косвенные действия или контакты, имеющие своей целью разубедить или помешать заявителям использовать предусмотренное Конвенцией средство правовой защиты. Вопрос о том, были ли отношения между властями и заявителем равносильны неприемлемой с точки зрения статьи 34 практике, должен решаться в свете конкретных обстоятельств дела. Применительно к допросам заявителей по поводу их жалоб на нарушение Конвенции, проводимым национальными органами, осуществляющими следственные функции, решение этого вопроса будет зависеть от того, содержали ли использованные процедуры какую-то форму незаконного и неприемлемого давления, которую можно рассматривать как препятствие осуществлению права на индивидуальную жалобу (см. например, дело *Aydin v. Turkey*, постановление от 25 сентября 1997 года, *Сборник постановлений и решений* 1997-VI, стр. 1899-1990, §§ 115-117; дело *Salman v. Turkey* [GC], № 21986/93, § 130 и другие, ECHR 2000-VII). Хотя в настоящем деле нет указаний на чрезмерное давление, перехват писем тюремными властями также может мешать обращению заявителей с жалобами в Суд.

120. Что касается предмета жалобы, то правительство, по сути, оспаривает наличие оснований для жалобы заявителя. Суд отмечает в этом отношении, что заявитель последовательно жаловался в своих письмах в Суд о препятствиях его переписке со стороны тюремных властей. Одно из его писем, которое, как заявлено, было отправлено 25 марта 1999 г. через администрацию СИЗО, так и не было получено Судом. Правительство никак не комментирует это утверждение. На его письме от 8 июня 2000 г. стоит почтовый штемпель за 20 октября 2000 г., и оно не содержит никаких приложений, перечисленных заявителем. Никакого объяснения или

копии какого-либо документа, подтверждающего более раннюю дату отправки, Суду представлено не было.

121. В журнале учета корреспонденции, копии которого были представлены правительством, есть информация только о трех письмах, полученных заявителем из Суда в период между 1998 и 2000 гг. В то же самое время регистрационные данные Суда о его переписке с заявителем, осуществлявшейся через тюремные власти за тот же самый период, свидетельствуют по крайней мере о десяти письмах, два из которых были посланы дважды, поскольку ответа на них получено не было. Суд считает, что такое несоответствие не может не вызвать сомнений относительно точности записей, использованных правительством. Суд делает вывод, что правительство не представило разумных объяснений в ответ на последовательные и заслуживающие доверия утверждения заявителя, сделанные со ссылкой на статью 34, относительно препятствий в осуществлении им права на подачу индивидуальной жалобы.

122. Кроме того, Суд отмечает, что положение заявителя было особенно уязвимым, поскольку он содержался под стражей и находился в зависимости от тюремной администрации в осуществлении своей переписки с Судом, а также остальным внешним миром (см. дело *Cotlet v. Romania*, № 38565/ 97, § 71, 3 июня 2003 г.). У него не было представителя в его отношениях с Судом до принятия решения от 14 октября 2003 г. о приемлемости его жалобы.

123. В свете вышеизложенных соображений Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 34 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

124. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

125. Заявитель потребовал выплаты компенсации за причиненный ему моральный вред и возмещения судебных издержек и расходов. Правительство не согласилось с этими требованиями.

А. Моральный вред

126. Заявитель потребовал 10000 евро в качестве компенсации морального вреда. Он утверждал, что продолжительность его содержания под стражей в качестве меры пресечения, длительность разбирательства по его уголовному делу и вмешательство в его переписку с Судом заставили его испытать чувства отчаяния, неопределенности и тревоги, которые не могут быть компенсированы только признанием факта нарушения его прав.

127. По мнению правительства, само признание факта нарушения было бы достаточной компенсацией.

128. Суд считает, что в настоящем деле есть основания предположить, что заявитель испытал страдания и отчаяние в результате необоснованной продолжительности содержания под стражей до суда и разбирательства его уголовного дела, а также вмешательства в его переписку. Учитывая требование справедливости, Суд присуждает в этой части 5000 евро.

Б. Судебные издержки и расходы

129. Заявитель потребовал возмещения следующих судебных издержек и расходов: 2150 евро за услуги его адвокатов из Москвы (43 часа по 50 евро за час), и 1100 фунтов стерлингов за услуги его представителя из Лондона (11 часов по 100 ф. ст. в час). Кроме того, он потребовал 500 евро в качестве возмещения почтовых расходов.

130. Правительство посчитало эти требования чрезмерными и необоснованными.

131. Суд напоминает, что для возмещения издержек и расходов в соответствии со статьей 41, необходимо установить, что они фактически имели место, были необходимыми, а также разумными по своей величине (см., например, дело *Nilsen and Johnsen v. Norway* [GC], № 23118/93, § 62, ECHR 1999-VIII).

132. Суд отмечает, что в настоящем деле представители начали принимать участие в судебном разбирательстве после того, как дело было объявлено приемлемым, и выражает сомнение, что подготовка объяснений заявителя по существу дела потребовала такой большой работы со стороны трех адвокатов. Тем не менее, заявитель действительно понес определенные расходы, связанные с настоящим судопроизводством.

133. Учитывая требование справедливости, Суд присуждает в этой части 800 евро.

В. Проценты в случае просроченного платежа

134. Суд считает правильным определить процентную ставку за просроченный платеж в размере предельной процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции.
2. *Постановил*, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.
3. *Постановил*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.
4. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 13 в сочетании с пунктом 1 статьи 6 Конвенции.
5. *Постановил*, что имело место нарушение Статьи 8 Конвенции.
6. *Постановил*, что не было нарушения статьи 13 в сочетании со статьями 8 Конвенции.
7. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 34 Конвенции.
- 8 *Постановил*,
 - (а) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы с конвертацией в валюту государства-ответчика по курсу на день платежа:
 - (i) 5000 евро (пять тысяч) в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 800 евро (восемьсот) в качестве возмещения судебных расходов;
 - (iii) средства на уплату любого возможного налога указанных сумм;
 - (б) что по истечении вышеуказанного трехмесячного срока на присужденные суммы выплачиваются простые проценты в размере предельной годовой ставки по займам Европейского центрального банка в течение периода неплатежа, плюс три процентных пункта.
9. *Отклонил* остальные требования заявителя о выплате справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и письменное уведомление направлено 30 ноября 2004 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

С. Долле
Секретарь

Ж.-П. Коста
Председатель